

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

Муратов Юрий Михайлович

**Генетическая и мотивационная характеристики лексико-семантического
поля ‘присвоение чужого’ в русском языке**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2015

Работа выполнена в отделе этимологии и ономастики
Учреждения Российской академии наук
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Научный руководитель: **Варбот Жанна Жановна** д.ф.н., профессор

Официальные оппоненты: **Вендина Татьяна Ивановна**, д.ф.н., профессор
заведующая Центром ареальной
лингвистики Учреждения
Российской академии наук
Института славяноведения РАН

Нефедова Елена Алексеевна, д.ф.н., профессор
кафедры русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Московский
государственный областной
университет», кафедра истории русского языка и
общего языкознания

Защита состоится «26» февраля 2015 года в 14 часов на заседании диссертационного совета
Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (119019, Москва, ул.
Волхонка, д. 18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан «19» декабря 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

Общая характеристика работы

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию генетической и мотивационной баз лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке. Ключевым является отражение концепта кражи в языковой картине русского этноса.

Предмет исследования — лексика со значением ‘присвоение чужого’ в диахронии и синхронии русского языка.

Актуальность темы

Актуальность работы состоит в ее соответствии современным представлениям о системности лексики и ее анализа во всех сферах функционирования языка. Изучение лексико-семантических полей признается одним из наиболее эффективных способов исследования лексики и, как следствие, восстановления фрагментов языковой картины мира этноса.

Научная новизна работы

Несмотря на наличествующую тенденцию к применению кластерного анализа лексики языка и углублению его формальных и семантических приемов, до сих пор не существует полного описания языковой картины мира русского этноса, насколько она отражена в лексике. Важнейшим приемом систематизации соответствующего анализа лексики является исследование отдельных лексико-семантических полей. Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’ до сих пор не было рассмотрено в своей целостности, анализировалось только происхождение отдельно взятых корней и лексем. В данной работе впервые выявлен наиболее полный лексический состав поля, определен набор этимологических гнезд, порождающих лексемы поля,

выявлены мотивационные модели, организующие поле. На этой основе впервые определяются характеристики существенного фрагмента языковой картины мира русского этноса – представления о присвоении чужого. Впервые реконструирована история данного поля в русском языке, его заполнение на различных исторических этапах языка и его диалектов.

Целями данного диссертационного исследования являются:

- 1) выявление как можно более полного лексического состава поля ‘присвоение чужого’ на основе исторического, диалектного, литературного и отчасти жаргонного материала;
- 2) определение генетических характеристик лексики поля (определение набора этимологических гнезд, порождающих лексику поля);
- 3) определение мотивационных моделей, организующих лексику поля;
- 4) реконструкция соответствующего фрагмента русской языковой картины мира в его истории;
- 5) основанная на проделанной работе оценка (подтверждение / критика) существующих этимологических решений и поиск новых этимологических решений для темных лексем.

Поставленным целям отвечают следующие задачи:

- 1) распределение выявленной лексики поля по ее принадлежности к определенным этимологическим гнездам русского языка; определение набора гнезд, в которых развивается значение ‘присвоение чужого’; выявление заимствований в составе поля;
- 2) определение мотивационных моделей и типов мотивации, отраженных в лексике поля;
- 3) хронологическое описание мотивационных моделей поля;
- 4) предложение новых аргументов для уже существующих этимологических решений, включение в этимологические гнезда лексем, не имеющих надежных

этимологических толкований, на основе разработки таких толкований;
разработка этимологических толкований для темных заимствований.

Основными методами работы являются синхронно-описательный и сравнительно-исторический (словообразовательный, семантический и этимологический анализ).

Исследование основано на следующем материале:

1) лексика современного русского литературного языка (СРЛЯ), собранная по «Словарю русского языка» А.П. Евгеньевой (МАС) в 4-х томах 1981 г., которая дается без ссылок;

2) лексика русских диалектов, собранная по словарям русских диалектов (с предпочтением завершенных изданий), отражающим словарный фонд диалектов различных регионов*:

«Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая»,

«Архангельский областной словарь»,

«Русские говоры Беломорья»,

«Народные говоры Западной Брянщины»,

«Словарь вологодских говоров»,

«Вологодское словечко»,

«Словарь русских донских говоров»,

«Большой толковый словарь донского казачества»,

«Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»,

«Новгородский областной словарь»,

«Словарь русских говоров одесщины»,

«Словарь пермских говоров»,

«Словарь русских говоров Низовой Печоры»,

* Расположены в алфавитном порядке по ключевому слову

«Русские говоры Среднего Поволжья (Чувашская Республика и Республика Марий Эл)»,
«Словарь говоров Подмосковья»,
«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении»,
«Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка»,
«Словарь русских говоров Прибайкалья»,
«Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья»,
«Словарь русских говоров Южного Прикамья»,
«Псковский областной словарь с историческими данными»,
«Словарь говоров Русского Севера»,
«Словарь региональной лексики крайнего Северо-Востока России»,
«Селигер. Материалы по русской диалектологии»,
«Словарь русских говоров Сибири»,
«Смоленский областной словарь»,
«Словарь говоров уральских (яицких) казаков»,
«Словарь русских говоров Среднего Урала»,
«Ярославский областной словарь»;

3) исторический материал, собранный по следующим словарям: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.», «Словарь русского языка XI-XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»;

4) жаргонная лексика, отобранная по «Словарю тюремно-лагерно-блатного жаргона» (сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов (1992 г.)), «Толковому словарю русского сленга» В.С. Елистратова (2010 г.), «Большому словарю русского жаргона» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2001 г.), «Собранию русских воровских словарей в четырех томах» В. Козловского (1983 г.).

Кроме того, частично использованы толковые словари русского литературного языка под ред. Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, для более полного описания лексики современного русского литературного языка; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словарь русских народных говоров» под редакцией Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова для пополнения диалектного материала исследования; «Старославянский словарь» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой (1999 г. (=1994 г.)) для помощи в исторических исследованиях.

При сборе материала использовался метод сплошной выборки.

В диссертации исследуется около 1000 лексем.

Тематика и содержание соответствует специальности 10.02.01 - «русский язык».

Основные положения, выносимые на защиту

1) Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’ образуется производными из 110 этимологических гнезд праславянского происхождения преимущественно с исходной глагольной семантикой.

2) В состав лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ входит значительное количество заимствованной лексики двух типов: а) имеющие значение поля в языках-источниках (преимущественно интернациональные греческие и латинские корни и образованные на их основе лексемы французского и немецкого языков); б) приобретшие семантику поля на русской почве по мотивационным моделям, присущим русскому языку (преимущественно языки народов, в то или иное время проживавших на территории России: татар., саамск., коми, фин., тюрк. яз.)

3) Лексемы, сформировавшие лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’, созданы в соответствие с 18 мотивационными моделями, которые могут быть обобщены в четыре типа мотиваций: 1) движение самого преступника или перемещение предмета хищения (‘векторное перемещение предмета в пространстве’, ‘отдираание, отделение’, ‘хватание’, ‘быстрое, неожиданное совершение действия’ (уподобление свисту, прыжку и под.), ‘перемещение преступника’ (ловкое, тихое, осторожное), ‘поворачивать’); 2) сущность присвоения с точки зрения жертвы (‘применение силы’, ‘причинение зла’, ‘исчезновение (заставлять исчезать)’); 3) сущность присвоения с точки зрения преступника (‘место промышления’ (жилое помещения или неохраняемая местность), ‘специализация по предмету кражи’, ‘собственно присвоение’, ‘накопление’, ‘извлечение’, ‘получение прибыли’); 4) характеристика преступника (‘отклонение от нормы поведения (аморальное поведение)’ (лукавое, низкое, подлое), ‘уподобление другому лицу (врагу) / животному’.

4) Выделенные мотивационные модели лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ с их обобщением в четыре типа мотиваций, отражающие принципы осмысления этносом явления в целом, являются отражением существенного фрагмента языковой картины мира русского этноса.

5) В работе предложены авторские этимологические толкования для ряда темных лексем, из которых для 33 лексем предполагается заимствованное происхождение, а для 37 — исконно русское.

Практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования и применяемая методика могут быть использованы при этимологизации лексики русского и других славянских языков, в исследованиях

по реконструкции славянских этимологических гнезд, в исследованиях по лексикологии, семантике и языковой картине мира русского языка и при чтении курсов по этимологии и этнолингвистике в вузах.

Апробация работы проводилась на заседании Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, на международных конференциях «Ломоносов-2013», «Ломоносов-2014». По теме работы опубликовано шесть статей.

Структура работы:

- 1) Введение;
- 2) Три главы: I «Генетическая характеристика лексем поля»: распределение слов по этимологическим гнездам, словообразовательный комментарий; II «Мотивационные модели»; III «Хронологическое распределение мотивационных моделей и их лексического наполнения»;
- 3) Заключение, в котором обобщены выводы, полученные в исследовании;
- 4) Алфавитный указатель рассмотренных лексем;
- 5) Библиография: Источники (в количестве 56). Научная литература (в количестве 220).

Содержание работы

Во **Введении** даются историческая справка, касающаяся истории изучения семантики и лексико-семантического поля; обоснование исследования именно лексико-семантического поля (ЛСП) как основной системообразующей единицы лексики; этнографический и юридический комментарий; описываются цели работы и используемый материал.

Глава I. Генетическая характеристика лексем поля

В данной главе слова с семантикой присвоения чужого распределены по исходным этимологическим гнездам. Исследуется не все гнездо целиком, а лишь та его часть, которая породила семантику ‘присвоение чужого’, то есть последний словообразовательный или семантический шаг. Предпочтение гнездового принципа этимологического анализа лексем перед полексемным в данной работе представляется оправданным ввиду внутригнездовой связанности лексем, отрыв которых друг от друга приводит не только к атомарности, но зачастую — к меньшей убедительности толкования. Большое внимание уделяется включению в этимологические гнезда диалектного материала, хотя это сопряжено с увеличением риска ошибок. Риск связан, главным образом, с ограниченностью контекста употребления слова, поданного в словарной статье, и, зачастую, ошибочностью, некорректностью предъявленного значения лексемы, что может наслаиваться и на неточность реконструкции в диалектном словаре исходной грамматической формы лексемы. Тем не менее, диалектная лексика, богатая факультативными формами и значениями, гапаксами, крайне важна в построении наиболее четкой структуры отдельного гнезда (как и ЛСП в целом). В качестве более надежной проверки правильности записанного слова используется, как кажется, наиболее верный способ — поиск однокоренных слов с другими формантами, что показано в данной работе. Иногда именно диалектный материал, несмотря на отсутствие точных дат первых фиксаций, а лишь благодаря своей форме помогал реконструировать праславянский источник. Ориентация на последний словообразовательный шаг (или изменение значения), создавший слово с семантикой поля присвоения чужого, обеспечивает определение мотивационной модели.

Анализ материала по гнездам дополняется алфавитным списком гнезд с указанием входящих в каждое гнездо лексем поля. Всего выделено и

исследовано 179 этимологических гнезд. Дается обобщение относительно первичной семантики (глагольной, по преимуществу) исходных гнезд. Лексемы каждого гнезда, входящие в рассматриваемое поле, анализируются далее по частеречной принадлежности при распределении их по основным периодам, как-то: праславянский, древнерусский, старорусский, русский язык XVIII в. и современный русский, подразделяющийся на литературный язык, диалекты и жаргон. Отдельно рассмотрены заимствования, имевшие значение кражи в языке-источнике; заимствования, развившие значение кражи по существующим мотивационным моделям русского языка; темные лексем, для которых впервые предложены возможные этимологические толкования.

Порядок следования гнезд в данной работе подчинен только принципу численности лексем поля, входящих в каждое гнездо (расположение по степени уменьшения числа лексем).

По результатам исследования в Главе I сделаны следующие выводы.

1) Значение присвоения чужого развилось в 179 этимологических гнездах, включая заимствования и проэтимологизированные темные лексем. Семантика присвоения не всегда распространялась на все гнездо, чаще она присутствует только в ряде лексем или даже в одной лексеме. В некоторых гнездах (**krasti*, **grabiti* и др.) первичная семантика была в истории литературного языка почти полностью замещена новой — ‘красть’. Однако для подавляющего большинства гнезд новая семантика осталась на периферии или вообще является окказиональной, вычисляемой только из контекста.

2) Основой поля являются этимологические гнезда исконно славянского происхождения (110 гнезд) с первичной глагольной семантикой.

3) Единство поля с морфологической точки зрения характеризуется преобладанием глагольных образований или *nomina actionis*. Среди лексем

поля отсутствуют образования, архаичные по корневому вокализму или по аффиксам.

4) Незначительное место в рамках русской языковой картины мира занимают обозначения украденного предмета и слова, обозначающие степень проявления признака типа *крадучий, воровливый*.

5) Слабым элементом системы оказывается номинация деятеля, которая исторически была свойственна практически всем гнездам, однако до уровня современного русского литературного языка (СРЛЯ) сохраняются лишь *вор, грабитель и похититель*. Это может быть косвенным свидетельством маркированной анонимности кражи в СРЛЯ. Нерелевантность обозначения действующего лица указывает на подчеркиваемый современным русским литературным языком динамизм поля с маркированной безличностью, что, скорее всего, связано с тем, что для кражи актуальна незаметность, быстрота ее совершения.

6) В ЛСП 'присвоение чужого' обнаружено большое количество глаголов с экспрессивными наращенными / расширениями основ: *грабаздать / грабастать*, урал. *гарабать*, арханг. *грабызнуть*; новг. *бзуздить*; селиг. *пристребрнить*; ворон. *лаузить*; карел. *расширабать*; прибайк. *схоробщить / схоромчить*. Специфическая семантика поля повлияла на ограничение формирования форм на -ся. Обнаружены уникальные с семантической точки зрения образования: др.-рус. *грабитися* 'грабить друг друга', др.-рус. *перекрасти* 'украсть краденое'.

7) В состав поля входит значительный объем заимствованной лексики (около 100 слов). По семантическим характеристикам выделяются две группы заимствований. Первая – это заимствования, имевшие значение присвоения чужого в языке-источнике. Все данные заимствования принадлежат русскому

литературному языку: *бандит* (из итал. через нем./ польск. яз), *клептомания* (из нем./ франц. яз. от греч. корня), *компиляция* (из франц. яз.), *пират* (из греч. через нем. яз.), *плагиат* (из лат. через нем. яз.) и их производные. В данную группу входят и разг. *глиссануть* (из франц. арг.) и др.-рус. *гробокопание*, являющийся поморфемной калькой древнегреческого композитума. Другая группа заимствований развили соответствующее значение в русском языке по моделям последнего. Диалектные заимствования являются либо непосредственными заимствованиями: дон. *аманат* (из араб. через тур. и/или татарск. яз.), помор. *ошкуй* (из коми / елатемск. яз.) и др.; либо производными от заимствований: дон. *замытарить* (из нем. яз.), сибир. *ляпнуть* (из саамск. яз.), казацк. *позычить* (из польск. яз.), жарг. *свинтить* (из нем. через польск. яз.), новг. *схимостить* (из фин. яз.), яросл. *шабашка* (из др.-еврейск. через нем. и польск. яз.) и др.

8) Заимствования русского жаргона и сниженно-разговорного пласта СРЛЯ, развившие значение присвоения чужого по выявленным мотивационным моделям русского языка, являются либо непосредственными заимствованиями: разг. *пациент* ‘жертва карманника’ (из лат. через нем. яз.), разг. *фитиль* ‘бандит’ (из тур. яз.) и др., либо производными от заимствований: разг. *бомбануть* ‘воровать’ (из итал. через нем. яз. от греч. корня), *карманник* (из тюрск. яз.), разг. *натараканить* ‘украсть’ (из тюрск. яз.), угол. *кустарь* ‘вор-одиночка’ (из ср.-нж.-нем. яз.), разг. *шакалить* ‘грабить сокамерников’ (из др.-инд. через нов.-перс. и франц. яз.) и др.

8) В ходе исследования для ряда темных лексем впервые определены корень / основа и / или первичная мотивация:

СРЛЯ: разг. *(с)тибрить* ‘воровать’

жаргонизмы: жарг. *захобачить* ‘взять, схватить, цапнуть не свое, без спросу’,

аргот. *лох* ‘жертва преступления’, угол. *мамура* ‘пожилая воровка’, жарг. *чи(е)граш* ‘мелкий вор’, жарг. *чиграшить* ‘заниматься мелким воровством’, жарг. *шпана, шпанюк* ‘мелкий вор’ и др.

диалектизмы: псков., костром., перм., сибир. *варнак* ‘опытный вор’, н.-новг. *лямза* ‘вор’, *лямзить* ‘украсть, стащить’, сибир. *обделать* ‘украсть’, карел. *охахалить* ‘(экспр.) взять, забрать ч.-л. без спросу, обобрать’, сибир. *поддеюлить* ‘украсть’, яросл. *прибаянить* ‘обмануть, присвоить чужое’, селигер. *прикабрить / прихабрить* ‘украсть, прикарманить’, урал. *разбутыскать* ‘(экспр.) растащить’, урал. *сбентерить* ‘украсть, взять без спроса’, урал. *сбукчить* ‘украсть’, новг. *сдебрить* ‘украсть’, новг., волог. *слямать*, перм. *слямзить*, волог., олон. *слямишить*, яросл. *слясить, сляшить, слящить* — все со значением ‘украсть, стащить’, казацк. *смамырить* ‘украсть’, новг., помор., печор. *спулить* ‘украсть’, псков., офен. *стибасить* ‘красть’, твер., вят. *стигостить* ‘украсть’, моск., казан., твер. *стигустить* ‘украсть’, карел. *счалить* ‘(экспр.) украсть’, офен. *тибас* ‘вор’, шерстоб. *юхтить* ‘красть’, *юхтельник* ‘вор’ и др.

II глава. Мотивационные модели

В данной главе предпринята попытка воссоздания одного фрагмента языковой картины мира русского этноса посредством определения набора мотивационных моделей, представляющих собою специфически русские механизмы языковой концептуализации. Выделенные мотивационные модели имеют системообразующий характер и рассматриваются по принципу существенности для русской (славянской) картины мира. Критерием здесь считается количество корней и лексем, развивших искомое значение по той или иной модели. В каждую модель также включены и заимствования, развившие значение ‘красть’ и под. в русском языке, и проэтимологизированные темные лексемы. Подобная подача материала охватывает все обнаруженные лексемы

данного ЛСП, за небольшим исключением в виде заимствований, уже имевших значение 'красть' в языке-источнике, и темных лексем, этимологический анализ которых затруднителен на данном этапе исследования.

Корни (как представитель этимологических гнезд) группируются в мотивационных моделях по общему знаменателю значений.

В конце главы дается обобщение и сопоставление семантических характеристик гнезд. Результаты исследования в Главе II формулируются следующим образом.

1) В составе ЛСП 'присвоение чужого' в русском языке выделено 18 мотивационных моделей, базирующихся на следующих значениях: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдирание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'быстрое, неожиданное совершение действия', 'перемещение преступника', 'отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)', 'уподобление другому лицу по сходству в поведении', 'место промысла', 'специализация по предмету кражи', 'причинение зла', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'собственно присвоение', 'накопление', 'отклонение от законного положения', '(низкий) социальный статус жертвы', 'извлечение', 'получение прибыли'. Существование мотивационных моделей, которые охватывают не единичные пары слов, но целые классы, доказывает регулярность мотивационных отношений. При этом наполнение этих моделей меняется от периода к периоду, что свидетельствует об укорененности в сознании человека этих моделей и соответствующего фрагмента картины мира.

2) Ядром поля признаются модели: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдирание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'быстрое, неожиданное совершение действия', занявшие центральное положение в ЛСП 'присвоение чужого' благодаря обилию гнезд, развивших по данным моделям значение присвоения. Отличительной особенностью всех

ядерных моделей является конкретная физическая составляющая значений входящих в них гнезд. Остальные модели находятся на периферии поля, и материальность их значения уменьшается при увеличении степени метафоричности. Наименее метафоризированы модели, описывающие кражу по месту ее совершения или по ее объекту.

3) Понятие кражи формировалось еще на индоевропейском уровне на основе представления об осторожном, тайном передвижении вора, составляющей которого можно считать и скрытность, лукавство. Учитывая устойчивое повторение на всех уровнях русского языка связи ‘красть’ — ‘обманывать’, развивающейся в обоих направлениях, можно предполагать в отношении сформировавшейся в русских диалектах модели ‘отклонение от правильного поведения’ эксплицитное выделение ранее имплицитно присущего образованиям поля значения ‘обманывать’. Данная модель также занимает приядерное положение благодаря образованиям гнезда **vyrati*.

4) Особняком стоят модели ‘получение прибыли’ вследствие вхождения в нее исключительно заимствованной лексики и ‘(низкий) социальный статус жертвы’ ввиду ее тесной связи с языковой картиной мира русского уголовного аргю.

5) На основе выделенных в данной главе 18 мотивационных моделей, являющихся первой ступенью обобщения на базе значений, давших основу для формирования семантики присвоения чужого, представляется возможным в качестве второго уровня обобщения выделить **типы мотиваций**, отражающие более принципы осмысления этносом явления в целом. Для данного ЛСП можно выделить следующие типы мотивации (при этом при каждом типе указаны мотивационные модели, его формирующие): а) движение самого преступника или перемещение предмета хищения (‘векторное перемещение

предмета в пространстве’, ‘отдираание, отделение’, ‘хватание’, ‘быстрое, неожиданное совершение действия’ (уподобление свисту, прыжку и под.), ‘перемещение преступника’ (ловкое, тихое, осторожное), ‘поворачивать’); б) сущность присвоения с точки зрения жертвы (‘применение силы’, ‘причинение зла’, ‘исчезновение (заставлять исчезать)’); в) сущность присвоения с точки зрения преступника (‘место промышления’ (жилое помещения или неохраняемая местность), ‘специализация по предмету кражи’, ‘собственно присвоение’, ‘накопление’, ‘извлечение’, ‘получение прибыли’); г) характеристика преступника (‘отклонение от нормы поведения (аморальное поведение)’ (лукавое, низкое, подлое), ‘уподобление другому лицу (врагу) / животному’.

б) Интересным примером асимметричности связи между языком и сознанием представляется концептуализация агента в ЛСП ‘присвоение чужого’. *Nomen agentis* занимают среди образований всех гнезд лишь третье место, уступая *verbum* и *nomen actionis*, тогда как кража осознается как действие, совершаемое кем-то. Древнейшая мотивационная модель ‘перемещение преступника’ формируется именно вокруг имплицитно присутствующей фигуры совершающего кражу, тогда как одной из периферийных и молодых мотивационных моделей является ‘исчезновение (заставлять исчезать)’ (см. подробнее в Гл. III), для которой восстановление агенса представляется крайне затруднительным или попросту невозможным (селигер. *прикратить*, волог. *потеря*), или отсылающим к несуществующему агенсу в виде потусторонней силы (жарг. *сволшебствовать*).

Глава III. Хронологическое распределение мотивационных моделей и их лексического наполнения.

Данная глава посвящена диахроническому анализу ЛСП ‘присвоение

чужого' в его синхронных срезах — хронологии мотивационных моделей и реализовавших их лексем: их появлению, развитию и возможному исчезновению. Внешне не связанные мотивационные модели предстают как звеньям единой эволюции. Лишь поэтапно можно установить формально-семантическое развитие этимологических гнезд в их отношении к ЛСП.

За основу берется каждая из выделенных в Главе II мотивационных моделей с анализом временных изменений в каждом из входящих в данную модель гнезд. Основой хронологической характеристики является первая фиксация в письменных памятниках и наличие соответствий в других славянских языках.

Результаты исследования в III главе можно сформулировать следующим образом.

1) В рамках древнейших мотивационных моделей поля ('перемещение преступника', 'перемещение предмета в пространстве'), зародившихся в пр.-сл. период (а первая еще ранее), наиболее активными периодами следует назвать др.-рус. и СРЛЯ для обеих моделей, диалектизмы и жаргонизмы занимают существенное место в рамках второй модели, тогда как практически полностью отсутствуют в первой.

2) Модели, появившиеся в др.-рус. период ('отдираание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'причинение зла'), характеризуются общей активностью в этот период и отсутствием в ст.-рус. период и в XVIII в. Для моделей 'отдираание, отделение', 'хватание', 'причинение зла' характерна продуктивность диалектных образований при слабом развитии жаргонизмов. Модель же 'применение силы' слабо представлена в диалектах и не развивается в жаргоне.

3) Модели, появившиеся в ст.-рус. период ('аморальное поведение', 'собственно присвоение'), характеризуются общей активностью в период зарождения (ст.-рус.) и в период СРЛЯ. Обе модели представлены многими диалектизмами при отсутствии жаргонизмов.

4) Исключительно диалектизмами представлены следующие модели: 'уподобление другому лицу / животном по сходству в поведении', 'место промышленя', 'специализация по объекту кражи', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'накопление', 'социальный статус жертвы', 'извлечение', 'получение прибыли', 'отклонение от законного положения'. Все указанные мотивационные модели обнаруживают активное взаимопроникновение диалектизмов и жаргонизмов с дальнейшим их проникновением в СРЛЯ.

5) Наиболее устойчивыми в истории русского языка следует признать следующие модели: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание'. Их устойчивость проявляется в стабильном пополнении новыми образованиями в большинстве из выделенных в данной работе периодов. Среди весьма активных молодых мотивационных моделей можно отметить 'быстрое, неожиданное совершение действия', 'уподобление другому лицу / животному по сходству поведения', которые характеризуются наиболее активным вовлечением новых корней для обозначения кражи исторически на языковой периферии (жаргоне и диалектах) при постоянном проникновении «наверх» в СРЛЯ.

6) Семантика присвоения начинает активно развиваться лишь с праславянского периода. Наиболее объемным, однако, по количеству образованных лексем является период древнерусского языка. Вторым по количеству слов является уровень диалектов. Период СРЛЯ является наиболее активным: 1) происходит исчезновение в СРЛЯ семантики присвоения чужого в гнездах, в которых

данное значение присутствовало в древнерусском языке: **lupiti*, **mьknoti*, **pakostь*, **pelнь*, **sila*, **tvoriti*, **tyrgati*, **vezti*, **vojь*, **volděti*, во всех продолжениях которых, кроме **tyrgati*, значение присвоения чужого продолжает существовать в русских диалектах; 2) во всех гнездах исчезают все вторичные имперфективы и перфективы древнерусского языка, слабыми элементами системы оказывается *nomina agentis*. Как уже было указано в гл. II, это может быть косвенным свидетельством маркированной анонимности кражи, развившейся в СРЛЯ.

В **Заключении** обобщаются результаты и подводятся итоги работы.

- 1) Определен набор лексем (около 1000), входящих в лексико-семантическое поле 'присвоение чужого' в русском языке: в его диахронии и синхронии (в диалектах и в литературном просторечии (жаргоне)). Контактное русское этноса с другими народами привело к активному заимствованию первыми корней и слов из языков последних, которые являются существенной составляющей рассмотренного ЛСП (около 100).
- 2) При погнездовом анализе отмечено преобладание глагольных гнезд: новая семантика проникает в подавляющем количестве случаев через глагол или *nomina actionis*, укрепляется в них и образует далее много вторичных глаголов, т.е. пик языковой активности приходится именно на глагол; имен деятеля в этом поле сравнительно немного, прилагательных и наречий практически нет.
- 3) Словоформы данного поля подчиняются единым законам: типично развивают семантику, присоединяют одинаковые приставки, суффиксы, не имеют форм на *-ся*. Лексемы поля в целом обнаруживают структуры, неархаичные как по корневому вокализму, так и по морфемному составу.
- 4) Каждое гнездо стремится, во-первых, сформировать как минимум три

основные номинации: действие (глагол и имя) и деятель, во-вторых, стремится к устранению дублетов. Номинация деятеля оказывается слабым элементом системы лишь в СРЛЯ.

- 5) Хронологическое распределение лексического материала поля по периодам пр.-сл., др.-рус., ст.-рус., РЯ XVIII в., СРЛЯ, диалекты и жаргон дает основание считать наиболее активными периодами формирования поля др.-рус. и диалекты.
- 6) По данным хронологического распределения мотивационных моделей и их лексического наполнения можно сделать вывод об изменении языкового отражения явления кражи в истории русского языка от древнейшего, унаследованного от пр.-сл. акцентирования тайности явления до преобладания характеристик по насильственности и аморальности действия. Следовательно, мотивационные модели свидетельствуют об изменениях, происходивших на протяжении истории языка в восприятии и осознании этносом соответствующих социальных явлений, то есть об изменениях в одном фрагменте языковой картины мира.

Существенные положения диссертации отражены в публикациях
(в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ)

1. **Как *тать* дошел до святотатства // Русская речь. М., 2014. № 1. С. 114-118.**
2. ***Красться, украдкой, красть* // Русская речь. М., 2014. № 2. С. 119-123.**
3. **Языковые свидетельства о месте совершения краж // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4, часть III. С. 140-143.**
4. **Раннесоветская демистификация концепта ‘присвоение чужого’ // Вопросы литературы. М., 2014. № 4. С. 360-368.**
5. **‘Неправильное поведение вора’ как одна из мотиваций в лексико-семантическом поле ‘присвоение чужого (силой или тайно)’ в русском языке // Этимология 2009-2011. М., 2012. С. 202-208.**
6. **Об этимологии рус. жарг. *лох* // [Электронный ресурс] Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014».- Секция «Филология» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2014.**